

Посвящается Аслы

Мои странные мысли
Навели уверенность того, что я вне времени
И вне пространства...

Вильям Вордсворт. Прелюдия. Книга 3

Первый, кто, огородив участок земли, придумал
заявить: «Это мое!» — и нашел людей достаточно
простодушных, чтобы тому поверить, был подлин-
ным основателем гражданского общества.

*Жан Жак Руссо. Рассуждение о происхождении
и основаниях неравенства между людьми*

Глубина отличия частного мнения наших граждан
от официальной позиции властей является дока-
зательством силы нашего государства.

Джеляль Салик¹. Записки

---

¹ Герой книги О. Памука «Черная книга». — Здесь и далее примеч. перев.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I (17 июня 1982 года)

МЕВЛЮТ И РАЙИХА

Украсть девушку — трудное дело 15

ЧАСТЬ II (30 марта 1994 года)

КАЖДЫЙ ЗИМНИЙ ВЕЧЕР МЕВЛЮТА НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ

Оставьте в покое торговца бужой 29

ЧАСТЬ III (Сентябрь 1968 — июнь 1982)

1. ДНИ МЕВЛЮТА В ДЕРЕВНЕ

Если бы мир умел говорить, что бы он рассказал? 49

2. ДОМ

Холмы на окраинах города 57

3. ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СТРОИТ ДОМ НА ПУСТЫРЕ

Ах, сынок, ты испугался Стамбула 62

4. МЕВЛЮТ НАЧИНАЕТ ТОРГОВЛЮ

Не строй из себя взрослого 70

5. МУЖСКОЙ ЛИЦЕЙ ИМЕНИ АТАТЮРКА

Хорошее образование устраняет различия между богачами
и бедняками 78

6. СРЕДНЯЯ ШКОЛА И ПОЛИТИКА

Завтра занятий нет 85

7. КИНОТЕАТР «ЭЛЬЯЗАР»

Вопрос жизни или смерти 96

8. ВЫСОТА МЕЧЕТИ ДУТТЕПЕ

Неужели там живут люди? 103

9. НЕРИМАН

То, что делает город — городом 108

10. ЧЕМ КОНЧАЮТСЯ ПОПЫТКИ ПОВЕСИТЬ НА СТЕНУ МЕЧЕТИ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ Да хранит турок Всевышний!	113
11. ВОЙНА КЮЛЬТЕПЕ И ДУТТЕПЕ Мы ни за кого	124
12. ВЗЯТЬ В ЖЕНЫ ДЕВУШКУ ИЗ ДЕРЕВНИ Моя дочь не продается	139
13. УСЫ МЕВЛЮТА Хозяин земли без документов	145
14. МЕВЛЮТ ВЛЮБЛЯЕТСЯ Такие встречи бывают только по воле Аллаха	154
15. МЕВЛЮТ УХОДИТ ИЗ ДОМА Если ты встретишь ее завтра на улице, ты узнаешь ее?	161
16. КАК НАПИСАТЬ ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО? Твои глаза как волшебные стрелы	172
17. АРМЕЙСКИЕ БУДНИ МЕВЛЮТА Ты решил, что ты дома?	179
18. ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ Кладбище индустриального квартала	190
19. МЕВЛЮТ И РАЙИХА Украсть девушку — трудное дело	197

ЧАСТЬ IV (Июнь 1982 — март 1994)

1. МЕВЛЮТ И РАЙИХА ЖЕНЯТСЯ Только смерть разлучит нас	209
2. МЕВЛЮТ ТОРГУЕТ МОРОЖЕНЫМ Счастливейшие дни его жизни	218
3. СВАДЬБА МЕВЛЮТА И РАЙИХИ Только самые отчаянные продавцы йогурта занимаются бузой	226
4. ПЛОВ С НУТОМ Еда вкуснее, если в ней немного грязи	236
5. МЕВЛЮТ СТАНОВИТСЯ ОТЦОМ Не вылезай из фургона	241
6. САМИХА СБЕГАЕТ Ради чего живет человек?	246
7. ВТОРАЯ ДОЧЬ Будто его жизнь происходит с кем-то другим	254

8. КАПИТАЛИЗМ И ТРАДИЦИИ	
Счастливая семейная жизнь Мевлюта	257
9. КВАРТАЛ ГАЗИ	
Мы спрячемся здесь	271
10. ОТРЯХНУТЬ ГОРОДСКУЮ ПЫЛЬ	
Боже, откуда берется вся эта грязь?	282
11. ДЕВУШКИ, КОТОРЫЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ПРИНИМАТЬ СВОИХ ПОКЛОННИКОВ	
Мы просто проходили мимо	295
12. В ТАРЛАБАШИ	
Счастливейший человек на земле	307
13. СУЛЕЙМАН ДОСТАВЛЯЕТ НЕПРИЯТНОСТИ	
Именно так все и было	317
14. МЕВЛЮТ НАХОДИТ НОВОЕ МЕСТО	
Я первым делом завтра утром пойду и заберу ее	330
15. СВЯТОЙ НАСТАВНИК	
Я — жертва страшной несправедливости	339
16. КАФЕ «БИНБОМ»	
Дай им понять, чего ты стоишь	350
17. КРУПНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В КАФЕ	
Не вмешивайся в это	357
18. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В КАФЕ «БИНБОМ»	
Двадцать тысяч овец	362

ЧАСТЬ V (Март 1994 — сентябрь 2002)

1. «БУЗА ОТ СВОЯКОВ»	
Почетное и важное для нации дело	373
2. В МАЛЕНЬКОМ МАГАЗИНЕ С ДВУМЯ ЖЕНЩИНАМИ	
Другие счетчики и другие семьи	386
3. ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТРАСТЬ ФЕРХАТА	
Давай сбежим отсюда	393
4. РЕБЕНОК — ЭТО СВЯТОЕ	
Наверно, ты будешь счастливее, если я просто умру и ты сможешь жениться на Самихе	402
5. МЕВЛЮТ СТАНОВИТСЯ ОХРАННИКОМ НА ПАРКОВКЕ	
Вина и удивление	413
6. ПОСЛЕ РАЙИХИ	
Люди не будут сердиться на вас, если вы плачете	418

7. ИСТОРИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА	
Сулейман попадает в трудное положение	425
8. МЕВЛЮТ В ДАЛЬНИХ РАЙОНАХ	
Собаки лают на всех, кто не наш	433
9. ПРИКРЫТЬ НОЧНОЙ КЛУБ	
Это правильно?	442
10. МЕВЛЮТ В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ	
Я провел всю жизнь на этих улицах	451
11. ВОЛЯ СЕРДЦА И ВОЛЯ СЛОВА	
Фатъма еще учится	461
12. ФЕВЗИЕ УБЕГАЕТ	
Пусть оба поцелуют мне руку	475
13. МЕВЛЮТ В ОДИНОЧЕСТВЕ	
Вы вдвоем созданы друг для друга	485
14. НОВЫЕ КВАРТАЛЫ, СТАРЫЕ ЛИЦА	
Это то же самое?	493
15. МЕВЛЮТ И САМИХА	
Я писал письма тебе	503
16. ДОМ	
Мы все делали правильно	508

ЧАСТЬ VI (15 апреля 2009 года, среда)

ДВЕНАДЦАТИЭТАЖНЫЙ ДОМ	
У тебя есть право на городскую ренту	515

ЧАСТЬ VII (25 октября 2012 года)

ФОРМА И ОБЛИЧЬЕ ГОРОДА	
Я могу размышлять, только когда шагаю	537
Алфавитный указатель героев	560
Хронология событий романа	568

Часть I

(17 июня 1982 года)

Если старшая засиделась, то выдавать младшую
не очень уж принято.

Шинаси. Женитьба поэта

Ложь — во рту, кровь — в жилах, а девушку, кото-
рая хочет сбежать, не удержишь.

*Народная поговорка из г. Бейшехира
(округ Имренлер)*

МЕВЛЮТ И РАЙИХА

УКРАСТЬ ДЕВУШКУ — ТРУДНОЕ ДЕЛО

Это история жизни и ежедневных размышлений торговца бузой¹ и йогуртом Мевлюта Караташа. Мевлют появился на свет в 1957 году в самой западной точке Азии, в одной бедной деревеньке Центральной Анатолии, из которой виднелся берег скрытого туманом озера. В двенадцать лет он приехал в Стамбул и всю жизнь прожил только там, в столице мира. В двадцать пять лет он украл в своей деревне одну девушку; это был очень странный поступок, который определил всю его жизнь. Он вернулся в Стамбул, женился, у него родились две дочери. Он постоянно трудился на разных работах, торгуя то йогуртом, то мороженым, то пловом, то служа официантом. Но он никогда не переставал вечерами торговать бузой на улицах Стамбула и выдумывать странные мысли.

Наш главный герой Мевлют был высоким, крепким, но изящным на вид и казался добродушным. У него было по-детски невинное лицо, вызывавшее нежность у женщин, каштановые волосы, внимательный и умный взгляд. Я буду и дальше напоминать моим читателям, что не только в молодости, но и после сорока лет лицо Мевлюта сохранило по-детски наивное выражение и женщины продолжали считать его красивым, — эти два его качества важны для понимания всей нашей истории. Мне не потребуется специально напоминать о том, что Мевлют всегда был доброжелательным оптимистом — с точки зрения некоторых, простаком, — вы сами это увидите. Если бы мои читатели знали Мевлюта, как я, они бы согласились с женщинами, которые находили его симпатичным и с виду невинным,

---

¹ *Буза* (боза) — традиционный густой напиток из проса.

и признали бы, что я ничего не преувеличиваю, лишь бы приукрасить свой рассказ. Посему сообщаю, что на протяжении всей этой книги, сюжет которой полностью опирается на реальные события, я ни разу ничего не преувеличу, а лишь буду довольствоваться простым перечислением всех приключившихся событий в той форме, в которой моим читателям будет легче следовать за ними.

Я начну свое повествование с середины, чтобы лучше рассказать о жизни и мечтах нашего героя, а прежде расскажу о том, как Мевлют в июне 1982 года украл девушку из соседней деревни Гюмюш-Дере (которая относится к Бейшехирскому уезду Коньи). Девушку, которая согласилась бежать с ним, Мевлют впервые увидел за четыре года до того на одной свадьбе в Стамбуле. Свадьбу тогда, в 1978 году, в стамбульском районе Меджидиекёй праздновал старший сын его дяди, Коркут. Мевлют никак не мог поверить, что он понравился такой юной (ей было тринадцать лет) и такой красивой девушке, которую он увидел на свадьбе. Девушка была сестрой невесты Коркута и впервые в жизни видела Стамбул, куда приехала на свадьбу своей старшей сестры. Три года писал ей Мевлют любовные письма. Девушка не отвечала, но брат Коркута Сулейман, доставлявший ей их, постоянно обнадеживал Мевлюта и советовал продолжать.

Когда воровали девушку, Сулейман вновь помог своему двоюродному брату Мевлюту: Сулейман вернулся из Стамбула вместе с Мевлютом в деревню, где прошло его детство, и даже самолично сидел за рулем принадлежавшего ему «форда». План похищения два приятеля воплотили, не попавшись никому на глаза. Согласно этому плану Сулейман должен был ожидать с фургоном Мевлюта и похищенную девушку на расстоянии часа от деревни Гюмюш-Дере и, пока бы все думали, что двое влюбленных направились в сторону Бейшехира, он повез бы их на север и, перевалив через горы, высадил бы их на вокзале Акшехира.

Мевлют пять или шесть раз проверил весь план, а еще тайком посетил два раза важные для этого плана места, такие как

холодный чешме¹, узкий ручей, поросший деревьями холм и садик за домом девушки. За полчаса до назначенного времени он вышел из фургона, который вел Сулейман, зашел на деревенское кладбище, располагавшееся над дорогой, и некоторое время молился там, глядя на могильные камни и упрощая Аллаха, чтобы все прошло хорошо. Он не мог признаться себе даже в том, что не доверял Сулейману. А вдруг Сулейман не придет туда, куда они договорились, к старому чешме, думал он. Он запретил себе подобные страхи, потому что они сбивали его с мыслей.

На Мевлюте в тот день были синяя рубашка и штаны из новой ткани, купленной в одной лавке на Бейоглу, сохранившиеся еще с тех лет, когда он учился в средней школе, а на ногах — ботинки, которые он купил в магазине «Сюмер-банк» перед армией.

Спустя некоторое время после того, как стемнело, Мевлют подошел к полуразрушенному забору. Окно, выходящее на задний двор белоснежного дома Горбуна Абдурахмана, отца обеих девушек, было темным. Он пришел на десять минут раньше. Ему не стоялось спокойно, он все время поглядывал на темное окно. Ему подумалось, что в прежние времена, когда воровали девушку, кого-то непременно убивали и начиналась бесконечная череда кровной мести и что сбежавших, которые в ночной темноте сбивались с пути, иногда ловили. Присев у забора, он также вспомнил и тех, кто подвергся позору в том случае, если девушка в последний момент решила передумать, и на этой мысли нетерпеливо поднялся. Он сказал себе, что Аллах будет охранять его.

Залаяли собаки. В окне на мгновение вспыхнул и сразу погас свет. Сердце Мевлюта бешено забилося. Он направился прямо к дому. Среди деревьев раздался шорох, и его тихо позвали, почти шепотом:

«Мевлют!»

Это был нежный голос девушки, читавшей все его письма из армии и доверявшей ему. Мевлют вспомнил, как он с лю-

---

¹ Чешме — общественный источник.

бовью и страстью писал ей сотни писем, как поклялся всей своей жизнью добиться ее, как мечтал о счастье. И вот наконец ему удалось ее убедить. Он не видел ничего и шел на голос, словно лунатик.

Они отыскиали друг друга во тьме и, взявшись за руки, побежали. Через десять шагов залаяли собаки, и тут Мевлют, растерявшись, потерял направление. Он попытался шагать дальше, повинаясь интуиции, но в голове его все смешалось. Деревья во тьме казались внезапно выроставшими бетонными стенами, и они проходили мимо этих стен, совершенно их не касаясь, словно во сне.

Когда козья тропа закончилась, Мевлют, как и планировал, свернул на появившуюся перед ними тропинку в гору. Узкая тропинка, извиваясь, уходила ввысь, словно собиралась привести путника на темное, покрытое тучами небо. Примерно полчаса они, по-прежнему держась за руки, не останавливаясь, взбирались по склону. Отсюда были хорошо видны огни Гюмюш-Дере, а за ними огни Дженнет-Пынар, где он родился и вырос. Повинуясь странному внутреннему голосу, Мевлют отклонился от заранее заготовленного с Сулейманом плана и зашагал в противоположную сторону от своей деревни. Если кто-то и отправился за ними в погоню, то следы не приведут их к ней.

Собаки все еще лаяли как сумасшедшие. Через некоторое время со стороны Гюмюш-Дере раздался выстрел. Они не испугались и не сбавили шага, но, когда замолчавшие на мгновение собаки вновь залаяли, побежали вниз по склону. Листья и ветви хлестали их по лицу, в ноги впивались шипы. Мевлют ничего не видел во тьме, ему каждое мгновение казалось, что они вот-вот сорвутся со скалы. Он боялся собак, но уже понял, что Аллах хранит его и Райиху и что в Стамбуле они будут жить очень счастливо.

Когда беглецы, задыхаясь, добрались до дороги на Акшехир, Мевлют был уверен, что они не опоздали. А если еще и Сулейман приедет на своем фургоне, то уже никто не заберет у него Райиху. Когда Мевлют писал ей письма, он, начиная каждое новое письмо, представлял себе прекрасное лицо девушки, ее

незабываемые глаза и с волнением, тщательно, в начале страницы выводил ее прелестное имя — Райиха. Вспомнив обо всем этом, он ускорял шаги, хотя от радости ноги несли его сами собой.

Сейчас в темноте он совершенно не видел лица девушки, которую украл. Ему захотелось по крайней мере дотронуться до нее, поцеловать ее, но Райиха узелком с вещами легонько оттолкнула его. Мевлюту это понравилось, и он решил не дотрагиваться до девушки, с которой он собирался провести всю свою жизнь, прежде чем женится на ней.

Держась за руки, они перешли маленький мостик над ручейком Сарп-Дере. Рука Райихи была легкой и нежной. От шумно бурлившего под ними ручья пахло чабрецом и лавром.

Ночь осветилась лиловым светом, затем раздался гром. Мевлют испугался, что перед долгой поездкой на поезде их застигнет дождь, но шагов не ускорил.

Десять минут спустя они издали увидели габаритные огни кашляющего фургона Сулеймана, ожидавшего их у чешме. Мевлют обрадовался и тут же укорил себя за то, что сомневался в Сулеймане. Пошел дождь. Они побежали к фургону, уже уставшие. Фургон оказался дальше, чем им представлялось, они успели здорово вымокнуть под проливным дождем.

Райиха вместе со своим узелком залезла в темный кузов. Об этом Мевлют с Сулейманом условились заранее: и на случай, если полиция объявит розыск на дорогах, и чтобы Райиха не увидела Сулеймана.

Оказавшись в кабине фургона, Мевлют сказал: «Сулейман, я никогда в жизни не забуду того, что ты помог мне сегодня». И, не сдержавшись, изо всех сил обнял двоюродного брата.

Сулейман не проявил той же радости.

— Поклянись, что никому не скажешь о том, что я тебе помогал, — ответил он.

Мевлют поклялся.

— Девушка не закрыла кузов, — сказал Сулейман.

Мевлют выскочил и обошел фургон. Когда он закрывал за девушкой кузов, сверкнула молния, и все небо, горы, скалы, деревья вокруг на мгновение озарились.

На протяжении всей своей жизни Мевлют будет часто вспоминать тот миг, то странное чувство, что охватило его.

После того как фургон поехал, Сулейман вытащил из бардачка старое полотенце и протянул Мевлюту: «Вот, возьми, вытрись». Мевлют прежде понюхал его и, убедившись, что оно чистое, протянул его девушке в кузов через маленькое окошко.

Сулейман вздохнул: «А ты сам не вытерся. Другого полотенца нет».

Дождь стучал по крыше фургона, дворники работали со скрипом, но что касается остального — они ехали в глубоком безмолвии. В лесу, который освещал бледный рыжеватый огонь фар, царила крошечная темнота. Мевлют часто слышал, что волки, шакалы, медведи после полуночи встречаются с нечистой силой, а нечистую силу, таинственных чудовищ и тени шайтанов он много раз видел по ночам на улицах Стамбула. Сейчас в лесу царил тьма потустороннего мира — именно в подобный мир острохвостые джинны, толстоногие дэвы, рогатые циклопы затаскивают заблудившихся путников и конченных грешников.

— Что ты молчишь, словно в рот воды набрал? — нарушил тишину Сулейман; Мевлют понял, что странное безмолвие, охватившее его, могло бы продлиться много лет. — Что-то не так? — спросил Сулейман.

— Нет, все в порядке.

Фары фургона, медленно продвигавшегося по узкой, залитой грязью дороге, освещали деревья, неясные тени и таинственные силуэты во тьме. Мевлют смотрел на них, понимая, что не забудет этих чудес до конца дней своих. Во всех деревнях, которые они проезжали, вслед им лаяли собаки, а затем наступала такая глубокая тишина, что Мевлют не мог понять, где обитают все эти странные мысли — в его собственной голове или в мире вокруг. В темноте он видел тени сказочных птиц. Он видел не понятные никому буквы, начертанные извилистыми линиями, видел следы шайтановых орд, прошедших по этим забытым всеми местам столетия назад. Он видел и тени каменных фигур, ведь в камень обратились те, кто совершил много грехов.

— Смотри не вздумай раскаиваться, — сказал Сулейман. — Бояться совершенно нечего. За вами никто не гонится. Наверняка все уже знают, что девушка сбежала. Уговорить Горбуна Абдуррахмана будет очень просто. Через один-два месяца он простит вас обоих. Прежде чем кончится лето, приедете поцеловать ему руку.

На повороте резкого спуска задние колеса фургона застряли в грязи. Мевлют на мгновение решил, что все кончено, и представил, как Райиха возвращается к себе в деревню, а он сам, несолоно хлебавши, — к себе домой в Стамбул.

Но вскоре фургон поехал дальше.

Час спустя фары фургона осветили узкие улочки городка Акшехир. Вокзал был на другом конце города.

— Держитесь вместе, — сказал Сулейман, притормозив возле железнодорожной станции. — Главное, чтобы Райиха меня не видела. Я не буду выходить из машины. Теперь я тоже отвечаю за произошедшее. Ты должен сделать счастливой Райиху, слышишь, Мевлют? Теперь она твоя жена, и ничего уже не изменить, стрела выпущена из лука. В Стамбуле не показывайтесь никому на глаза какое-то время.

Мевлют и девушка смотрели вслед красным огням фургона Сулеймана, пока те не скрылись. Затем они вошли в старое здание Акшехирского вокзала.

Внутри все сияло в свете ламп дневного света. Мевлют посмотрел в лицо суженой, которую он украл, со всем вниманием и, убедившись в реальности того, во что он никак не мог поверить, отвел глаза.

Это была не та красавица, которую он видел на свадьбе Коркута, сына своего дяди. Это была ее старшая сестра. Мевлюту на свадьбе показали красивую девушку, а вместо нее отправили другую. Мевлют, понявший, что его обманули, испытывал стыд. Он не мог больше смотреть в лицо девушки. Он не знал даже, как ее зовут.

Кто сыграл с ним эту злую шутку? Шагая к билетной кассе в здании вокзала, он, как издалека, слышал эхо собственных шагов, словно это были чьи-то чужие шаги. Отныне все старые вокзалы будут напоминать Мевлюту до конца его дней те несколько минут.

Он купил два билета на Стамбул.

— Сейчас подойдет поезд, — сказал кассир.

Но поезд не подошел. Они сидели на краешке скамьи в маленьком зале ожидания, битком забитом корзинами, узлами, чемоданами и усталыми путниками.

Мевлют вспоминал, что у Райихи вроде бы была старшая сестра. А может быть, ту красивую девушку вовсе и не звали Райиха? Он все никак не мог понять, как его обвели вокруг пальца.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Райиха!

Ну конечно! Красавицу звали другим именем! Ему досталась именно Райиха.

Пока они сидели на скамейке, он лишь посмотрел на руку Райихи. Совсем недавно он держал эту руку с любовью — рука была красивой. Она послушно лежала на коленке и то и дело оправляла платок и подол юбки.

Мевлют встал, сходил к буфету на привокзальной площади и купил два вчерашних чурека. Возвращаясь, он вновь издалека внимательно посмотрел на лицо Райихи. Мевлют еще раз убедился в том, что Райиху он видит впервые в жизни. Но как такое могло произойти? Знала ли Райиха, что Мевлют пишет свои письма, думая о ее сестре?

— Хочешь есть?

Изящная рука Райихи потянулась и взяла хлеб. Мевлют увидел на лице девушки не волнение, которое обычно бывает на лице сбежавших влюбленных, а выражение благодарности.

Пока Райиха медленно, словно совершая преступление, осторожно жевала лепешку, Мевлют краем глаза наблюдал за ее движениями. Есть ему вовсе не хотелось, но так как он не знал, что делать, то он тоже съел черствый чурек.

Мевлют чувствовал себя ребенком, которому кажется, что занятия в школе никогда не закончатся. Его разум искал ошибку в прошлом, которое положило начало этому дурному пути.

Он все время вспоминал свадьбу. Его отец, покойный Мустафа-эфенди, совершенно не хотел, чтобы он ходил на эту свадьбу, но Мевлют сбежал из деревни и приехал в Стамбул.

Неужели то, что случилось, было результатом его собственной ошибки? Взгляд Мевлюта, обращенный в себя, словно фары фургона Сулеймана, искал причину, пролившую бы свет на скрытые полумраком воспоминания его двадцатипятилетней жизни и на ее нынешнее сумрачное положение.

Поезд все никак не шел. Мевлют встал и снова отправился в буфет, но тот уже закрылся. На вокзальной площади стояли две повозки, ожидавшие пассажиров, лошади фыркали, возницы курили. На площади царило невероятное безмолвие. Он увидел рядом со старым зданием вокзала огромный платан.

На дереве висела табличка с надписью, на которую падал бледный вокзальный свет.

*В 1922 году основатель нашей республики
Мустафа Кемаль Ататюрк посетил Акшехир
и под этим платаном,
возраст которого насчитывает сто лет, пил кофе.*

В школе на уроках истории Акшехир упоминался несколько раз. Мевлют знал, что городок играет важную роль в турецкой истории, но сейчас он совершенно не помнил этих книжных сведений. Он винил себя за свои недостатки. Ведь он и в школе не старался учиться как следует.

Вернувшись и сев рядом с Райихой, Мевлют вновь посмотрел на нее. Нет, он не мог вспомнить, была ли она на той свадьбе.

В опоздавшем на несколько часов ржавом и скрипучем поезде они отыскивали свой вагон. В пустом купе Мевлют сел не напротив Райихи, а рядом с ней. Пока стамбульский поезд покачивался, проползая по изношенным железнодорожным путям, рука и плечо Мевлюта то и дело касались ее руки и плеча. Даже это казалось Мевлюту странным.

Он отправился в вагонную уборную и какое-то время, словно в детстве, слушал, нажав ногой на педаль металлического унитаза, как колеса громко стучат по рельсам. Когда он вернулся, девушка уже спала. Как она могла спокойно спать в ту ночь? «Райиха, Райиха!» — позвал Мевлют, наклонившись к ее уху. Девушка тут же проснулась с той естественностью, ко-

торой могла обладать только лишь настоящая владелица имени, и нежно улыбнулась.

Они молча смотрели в окно вагона, словно муж и жена, которые вместе уже долгие годы и которым не о чем разговаривать. Мелькали уличные фонари то и дело проносившихся за окном городков, огни машин на далеких дорогах, зеленые и красные железнодорожные семафоры, однако по большей части за окном была только крошечная тьма — и тогда они не видели в стекле ничего, кроме своих отражений.

Через два часа начало светать. Из глаз Райихи внезапно потекли слезы.

— Ты хочешь вернуться домой? — спросил Мевлют. — Ты жалеешь?

Райиха заплакала еще сильнее. Мевлют неуклюже положил руку ей на плечо, но тут же смутился и убрал ее. Райиха плакала долго, горько и навзрыд. Мевлют испытывал вину и раскаяние.

— Ты меня не любишь, — сказала Райиха через некоторое время.

— Почему?

— В твоих письмах была любовь. Ты меня обманул. Те письма на самом деле ты писал?

— Все те письма писал я, — проговорил Мевлют.

Но Райиха не успокаивалась.

Час спустя Мевлют вышел из поезда на станции Афьон-Карахисар, добежал до буфета и купил хлеб, три треугольничка овечьего сыра и упаковку печенья. Когда поезд ехал вдоль реки Аксу, они позавтракали, запивая незамысловатую еду чаем, который за деньги разносил какой-то мальчик. Мевлюту нравилось наблюдать, как Райиха смотрит в окно на города, тополя, трактора, повозки, ребяташек, гоняющих в футбол, на реки, протекавшие под железнодорожными мостами. Все вокруг ей казалось интересным, весь мир.

Когда поезд проезжал между станциями Алаюрт и Улукёй, Райиха заснула, и голова ее опустилась Мевлюту на плечо. Он ощутил свою ответственность и одновременно — счастье. В их купе вошли и сели на соседнюю скамью двое полицейских.

Мевлют считал, что электрические столбы, грузовики на шоссе и новые бетонные мосты являются признаком того, что страна богатеет и развивается; ему было неприятно смотреть на политические лозунги, которыми были исписаны стены в кварталах бедноты.

Мевлют заснул, сам тому удивившись.

Когда в Эскишехире поезд остановился, они оба проснулись и на мгновение испугались, увидев полицейских, но затем успокоились и улыбнулись друг другу.

У Райихи была искренняя улыбка. Лицо ее было открытым, простым и очень светлым. Мевлюта терзали подозрения о том, что она в сговоре с теми, кто обманул его, но, когда смотрел на нее, он не мог удержаться от мысли, что девушка ни в чем не виновна.

Когда поезд подъезжал к Стамбулу, они заговорили об огромных фабриках, выстроившихся по обе стороны пути, о высокой трубе нефтеочистительного завода в Измите, о том, какими большими бывают грузовые корабли, и о том, кто знает в какие части света они направятся. Райиха окончила только начальную школу, но без особых усилий смогла перечислить названия дальних заморских стран. Мевлют почувствовал гордость за нее.

Райиха была в Стамбуле четыре года назад, на свадьбе своей сестры. Но она все равно наивно спросила: «Это уже Стамбул?»

— Каргал уже считается Стамбулом, — ответил Мевлют с уверенностью человека, хорошо осведомленного. — Однако нам еще ехать.

Он показал Райихе на острова вдали. Однажды они непременно поедут гулять на Принцевы острова.

Увы, за всю короткую жизнь Райихи они не совершили такой поездки ни разу.

Часть II

(30 марта 1994 года)

— Да вот хоть черкесы, — продолжал он, — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка.

Лермонтов. Герой нашего времени

КАЖДЫЙ ЗИМНИЙ ВЕЧЕР МЕВЛЮТА НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ

ОСТАВЬТЕ В ПОКОЕ ТОРГОВЦА БУЗОЙ

Через двенадцать лет после того, как они с Райихой сбежали в Стамбул, одним темным мартовским вечером 1994 года Мевлют продавал бузу и вдруг наткнулся на корзину, которую кто-то быстро и тихо опустил перед ним сверху.

— Торговец! Торговец, на двоих, — послышался детский голос.

Корзина спустилась перед ним с небес в темноте, словно ангел. Наверное, Мевлют так растерялся потому, что обычаем совершать покупки через опущенную за окно корзину теперь был почти забыт. Он вспомнил те дни, двадцать пять лет назад, когда они с отцом торговали йогуртом и бузой (он еще учился в средней школе). В эмалированную миску, стоявшую в оплетенной корзине, поместилось гораздо больше бузы, чем просил звучавший сверху детский голос, не два стакана, а почти литр. И он почувствовал себя так, словно встретил ангела. В последние годы голова Мевлюта бывала иногда занята религиозными вопросами.

В этом месте нашего рассказа я должен сообщить читателям всего мира, которые не знают, что такое буза, а заодно и будущим поколениям турецких читателей, которые, как я полагаю, к сожалению, в предстоящие двадцать-тридцать лет забудут о ней, о том, что Мевлют разносил традиционный в Азии слабоалкогольный коричневатый напиток плотной консистенции с приятным запахом, который изготавливают из просяной закваски.

В прежние, османские времена в Стамбуле бузу продавали в лавках. К 1923 году, когда основали республику, лавки бузов-

щиков были уже давно закрыты, вытесненные пивными немецкого образца. Однако с улиц Стамбула торговцы бузой вроде Мевлюта не исчезали. После 50-х годов торговля бузой осталась единственным делом торговцев, которые зимними вечерами проходили по бедным и неухоженным, выложенным брусчаткой улочкам Стамбула, выкрикивая: «Буза! Кому буза!» — и напоминали о давно минувших столетиях и ушедших в прошлое прекрасных днях.

Мевлют положил в карман деньги, лежавшие в корзине, и дал знак поднимать ее.

Плетеная корзина раскачивалась вправо-влево на холодном ветру, ударяясь об окна на нижних этажах и водосточную трубу, чем доставляла немало трудностей тянувшим за веревку детям. Когда корзина достигла пятого этажа, она, казалось, на мгновение словно замерла в воздухе, словно веселая чайка, поймавшая встречный ветер. Затем корзина внезапно исчезла в темноте, словно нечто загадочное и запретное, а Мевлют продолжил свой путь.

— Буза! — выкрикивал он, проходя по улице, тонувшей в полумраке. — Кому свежая буза!

Манера совершать покупки с помощью корзин являлась обычаем тех времен, когда в помине не было лифтов, а на входных дверях — автоматических замков, и часто использовалась в стамбульских высоких пятиэтажных домах. В те дни, в 1969 году, когда Мевлют с отцом только начали торговать, домохозяйки, которые хотели днем купить бузы, йогурта или попросить подмастерье бакалейщика принести им провизию из лавки и которым не хотелось спускаться на улицу, подвешивали к своим корзинам маленькие колокольчики, чтобы на улице продавцы и владельцы бакалейных лавок могли услышать, что наверху, в доме, где нет телефона, есть клиент. Когда торговец ставил товар в корзину, он раскачивал ее, чтобы наверху услышали. Некогда Мевлюту очень нравилось наблюдать за тем, как эти корзины поднимаются вверх: они ударялись о ветви деревьев, задевали электрические телефонные провода, запутывались в бельевых веревках, натянутых между домами, а подвешенные колокольчики вызванивали приятную мелодию. Некото-

рые особо аккуратные клиенты клали в корзину особую тетрадку, куда записывались их долги. Его неграмотный отец, до того как сын приехал к нему из деревни, отмечал все покупки в виде черточек (одна черточка — литр, половина черточки — пол-литра), и теперь с гордостью наблюдал, как Мевлют записывает в тетрадку цифры, а для некоторых клиентов оставляет еще и записки.

Но все это было делом давно минувших дней. За прошедшие двадцать пять лет Стамбул так изменился, что воспоминания казались Мевлюту едва ли не сказкой. Улицы, которые были сплошь вымощены брусчаткой, теперь заасфальтированы. Почти все трехэтажные деревянные особняки, окруженные садами, снесены. На их месте возвышались высокие многоквартирные дома, на верхних этажах которых не было слышно голоса уличного торговца. Место радиоприемников заняли вечно включенные по вечерам телевизоры, звук которых перекрывал голоса торговцев бузой. С улиц исчезли тихие изнуренные люди в бесцветной поношенной одежде, а их сменила шумная, оживленная, хорошо одетая толпа.

Мевлют совершенно не печалился, что Стамбул меняется. Напротив, он всегда хотел следовать в ногу с этими разительными переменами и всегда ходил в те кварталы, где его хорошо встречали и любили.

Например, в район Бейоглу — самый шумный и самый близкий к его дому. Пятнадцать лет назад, в конце семидесятых, на переулках Бейоглу до полуночи не закрывались казино, ночные клубы и полуподпольные дома свиданий. Мевлют мог торговать там до глубокой ночи. Женщины, которые в отопливаемых печками подвалах и павильонах подрабатывали и певичками, и консумантками, их поклонники, усталые усатые мужчины средних лет, приехавшие по торговым делам из Анатолии и выпивавшие с ними, недавно переселившиеся в Стамбул провинциалы, для которых сидеть за одним столом рядом с женщиной было невиданным развлечением, туристы из Пакистана и арабских стран, официанты, охранники, привратники — они покупали у Мевлюта бузу даже в полночь. Но за последние десять лет все исчезло словно по мановению вол-

шебной палочки. Веселые заведения, где пели османские и европейские песни, закрылись, а вместо них появились шумные закусовые, где на мангале жарили шашлык-кебаб по-адански¹ и запивали его раки². Так как толпы молодежи, развлекавшейся собственными танцами живота, не интересовались бузой, Мевлют теперь по вечерам даже не заглядывал в окрестности проспекта Истикляль.

Уже двадцать пять лет каждый зимний вечер, около восьми, после окончания вечерних новостей, он начинал готовиться к выходу из дому, который они снимали в Тарлабаши, надевал связанный женой коричневый свитер, шерстяную тубетейку, завязывал синий передник, который очень нравился покупателям, брал в руку бидон, полный бузы, в которую жена или дочери добавляли сахар и особые пряности, взвешивал его в руках («Мало вы налили, сегодня вечером холодно», — говорил он иногда), надевал свое черное пальто и прощался с домашними. «Не ждите меня, ложитесь спать», — говорил он, повернувшись к маленьким дочкам. Но теперь Мевлют все чаще и чаще обращался к домашним с одной и той же фразой: «Я вернусь не поздно».

За дверями, на улице, первым делом он брал деревянный шест торговца, сделанный из дубовой ветки, который носил вот уже двадцать пять лет, к обоим его концам привязывал за ручки пластмассовые бидоны, полные бузы, закладывал шест за спину и, словно солдат, который в последний раз перед битвой проверяет, на месте ли его пули и заряжено ли ружье, проверял маленькие мешочки с жареным нутом и корицей, которые хранились у него на поясе и во внутреннем кармане пальто, а затем начинал свой бесконечный поход.

«Свежая буза...»

Он направлялся в верхние кварталы, а затем, свернув от Таксима, быстро шагал туда, где собирался торговать тем вечером. Дойдя до нужного квартала, работал без перерыва дол-

---

¹ *Шашлык-кебаб по-адански* — шашлык, приготовленный по рецепту из г. Адана.

² *Раки* — анисовая водка на Балканах и Ближнем Востоке.

гое время, останавливаясь лишь на полчаса в какой-нибудь кофейне выкурить сигарету.

Когда перед ним, словно ангел с небес, опустилась корзина, на часах было девять тридцать и Мевлют был в Пангалты. Ровно через час он был в переулках Гюмюшсую и, когда свернул на темную улочку, выходящую к маленькой мечети, увидел стаю собак, которую заметил еще несколько дней назад. Так как уличные собаки не приближались к уличным торговцам, то Мевлют до недавнего времени их не боялся. Но на сей раз его сердце забилося в странной тревоге. Если испугаться, то собаки мгновенно почувствуют запах страха и тут же нападут. Ему захотелось подумать о чем-то другом.

Он постарался подумать о том, что сейчас его дочери смотрят телевизор и смеются, о том, что через некоторое время он вернется домой и будет о чем-то разговаривать с женой, о том, что Великий Пророк завещал держать сердце чистым, и о том ангеле, которого он только что представлял себе. Но победить чувство страха в себе не смог.

— Гав-гав-гав! — подбежала к нему одна из собак.

Следом за ней медленно приблизилась вторая. Они были цвета грязного асфальта. Вдалеке Мевлют увидел еще одну собаку, черную.

Три собаки залаяли одновременно. Впервые за всю его жизнь уличного торговца Мевлюту стало страшно, точно так же страшно, как один или два раза в детстве. Он пытался вспомнить аяты¹ и молитвы, которые следовало читать от собак, и застыл на месте. Но собаки продолжали лаять.

Мевлют судорожно искал глазами какую-нибудь открытую дверь, какое-нибудь убежище. А может, стоит поставить бидоны на землю и шестом разогнать собак?

Где-то открылось окно. Кто-то закричал: «А ну, вон пошли! Оставьте в покое торговца, вон, вон!»

Собаки вздрогнули и затем, замолчав, удалились.

Мевлют почувствовал огромную благодарность к человеку в окне третьего этажа.

---

¹ *Аят* — стих Корана.

— Ничего не бойся, торговец, — сказал человек в окне. — Эти псы трусливые, сразу понимают, кто их боится. Ты понял?

— Спасибо! — сказал Мевлют, собираясь продолжить свой путь.

— Подойди-ка сюда. Давай и мы купим у тебя немножко бузы.

Мевлюту не понравилось, как человек сверху разговаривает с ним, но к двери подошел.

Дверь жилого дома с жужжанием автоматически открылась. Внутри пахло газом, прогорклым маслом и масляными красками. Мевлют неторопливо поднялся по лестнице на третий этаж. Наверху его не стали держать в дверях, а обошлись с ним как было принято среди добропорядочных людей в прошлом:

— Входи, торговец, ты, должно быть, замерз.

Перед дверью в несколько рядов стояла обувь. Когда Мевлют наклонился, развязывая шнурки, то ему подумалось: его старинный друг Ферхат однажды сказал, что все жилые дома в Стамбуле делятся на три типа:

1. Дома богобоязненных людей, где совершается намаз и на пороге которых снимают обувь.

2. Дома европеизированных буржуа, куда можно входить в обуви.

3. Новые многоэтажные жилые дома, где живут семьи двух вышеперечисленных типов.

Этот жилой дом находился в богатом квартале. Здесь не было никого, кто бы снимал и оставлял на пороге квартиры обувь. Но Мевлют всегда уважительно снимал обувь на пороге, будь то дом человека среднего класса или дом богача. Он никогда не слушал, если ему говорили: «Торговец, не снимай обуви».

В квартире, куда вошел Мевлют, стоял сильный запах раки. Он услышал радостный гомон веселых людей, уже изрядно выпивших, хотя вечер еще не подошел к концу. За обеденным столом, занимавшим почти всю маленькую гостиную, сидели шесть или семь мужчин и женщин и, глядя в телевизор, включенный, как обычно в домах Стамбула, на полную громкость, одновременно смеялись и разговаривали.

Когда они заметили, что Мевлют вошел, за столом воцарилось молчание.

Мевлют прошел на кухню, а там изрядно подвыпивший человек пробормотал ему: «Ну-ка, братец, налей-ка нам бузы». Это был не тот человек, которого он видел в окне.

— А корица и жареный нут у тебя есть? — поинтересовался выпивший.

— Есть. Сколько вас человек?

— Сколько нас? — насмешливо крикнул человек невидимой компании в комнате.

Те, кто сидел за столом, принялись, подшучивая друг над другом, решать, сколько же их собралось.

— Приятель, если буза слишком кислая, я не буду ее пить! — раздался голос одной из женщин.

— Буза у меня сладкая, — отозвался Мевлют.

— Тогда я не буду, — послышался мужской голос. — Бузу лучше всего пить, когда она кислая.

Сидящие за столом заспорили.

— Иди сюда, торговец, — позвали его.

Мевлют перешел из кухни в гостиную и там почувствовал, как сильно он отличается от тех, кто был там, каким нищесбродом кажется им. На мгновение воцарилась тишина и неловкость. Все за обеденным столом с любопытством смотрели на него. Это любопытство было вызвано и тем, что сидящие видели перед собой нечто из далекого прошлого — то, мода на что давно прошла. Такие взгляды Мевлют часто ловил в последние годы.

Три женщины были крашеными блондинками. Мевлют заметил, что человек, который спас его от собак, сидит во главе стола между двумя из них.

— Буза может быть и сладкой, и кислой, — ответил Мевлют с достоинством.

— Слышь, торговец, ты этим деньги хоть зарабатываешь?

— Зарабатываю, хвала Аллаху!

— Так, значит, это дело приносит деньги... Сколько лет ты этим занимаешься?

— Я торгую бузой уже двадцать пять лет. А прежде по утрам торговал еще и йогуртом.

— Если ты двадцать пять лет этим занимаешься, да еще и зарабатываешь деньги, ты, должно быть, богат. Разве не так?

— Мы, к сожалению, так и не разбогатели, — ответил Мевлют.

— Почему?

— Все наши родственники, с которыми мы приехали из деревни, сейчас богаты, но мне не повезло.

— Почему не повезло?

— Потому что я честный, — сказал Мевлют. — Я никогда не лгу, не продаю порченный товар, не совершаю харам¹ ради того, чтобы у меня был большой дом и чтобы дочке сыграть богатую свадьбу.

— Ты что, святоша?

Мевлют давно заметил, что в домах богачей подобный вопрос с некоторых пор приобрел политический смысл. На выборах в мэрию Стамбула, которые прошли третьего дня, победила происламская партия, за которую голосовали в основном бедняки. За кандидата, неожиданно выбранного мэром, голосовал и Мевлют, и потому, что тот был набожен, и потому, что тот окончил школу Пияле-Паша в районе Касым-Паша, куда ходили обе его дочери.

— Я простой торговец, — хитро ответил Мевлют. — Как может торговец быть набожным?

— Почему же не может?

— Я все время работаю. А когда ты с утра до вечера на улице, то как можно пять раз совершить намаз?

— Что ты делаешь по утрам?

— Чего я только не делаю... Я и плов из нута продавал, и официантом работал, и мороженщиком, и даже директором был... Я все могу.

— И где же ты директорствовал?

— В кафе «Бинбом». Оно было в Бейоглу, но закрылось. Может, знаете?

---

¹ Харам — запретное, недозволенное в исламе.

- А что ты сейчас делаешь по утрам?
- Сейчас я свободен.
- А что, у тебя нет жены, семьи? — спросила блондинка с приветливым лицом.
- Есть. Хвала Аллаху, у нас есть и два ангела-дочки.
- Ты ведь отправишь их учиться в школу, не так ли? А когда они подрастут, заставишь голову покрывать?
- Мы простые крестьяне из бедной степной деревни, — сказал Мевлют. — Мы привязаны к нашим обычаям.
- И ты поэтому торгуешь бузой?
- Большинство земляков из нашей деревни отправились в Стамбул торговать йогуртом и бузой, но, по правде говоря, у нас в деревне мы не знали ни бузы, ни йогурта.
- То есть впервые ты увидел бузу в городе?
- Да.
- А кто тебя научил кричать так, как кричат все уличные торговцы? У тебя, слава Аллаху, очень хороший, сильный голос, словно у муэдзина.
- Бузу торговцу помогает продавать его громкий голос, — ответил Мевлют.
- Торговец, а тебе по ночам на темных улицах не страшно? Не бывает тоскливо?
- Аллах Всемогущий помогает скромному торговцу. Я всегда думаю только о хорошем.
- И даже когда по ночам ты ходишь по темным окраинным улицам и видишь кладбища, собак, джиннов, пери?
- Мевлют промолчал.
- Как тебя зовут? — продолжали допытываться сидящие.
- Мевлют Караташ.
- Мевлют-эфенди, ну-ка, продемонстрируй нам, как ты кричишь — буза!
- Мевлют уже много раз имел дело с пьяными компаниями. В те годы, когда он только начал торговать на улице, ему очень часто приходилось выслушивать от пьяных следующее: «В вашей деревне есть электричество?» (когда он впервые приехал в Стамбул, не было), «Ты вообще учился в школе?» И после подобных вопросов следовали другие: «Что ты почувствовал,

когда впервые прокатился на лифте?», «Когда ты впервые пошел в кино?». В те годы Мевлют не стеснялся показывать себя наивнее и глупее, чем он был на самом деле. Перед постоянными клиентами, с которыми у него были приятельские отношения, он нередко изображал, как кричит на улицах «Буза!», не заставляя себя долго упрашивать.

Но то было в прошлом. Сейчас если бы не благодарность, которую он испытывал к человеку, который спас его от собак, то он давно прекратил бы беседу, разлил бузу и ушел.

— Где ты берешь эту бузу? — спросил один из сидящих.

— Делаю сам.

— Все торговцы покупают ее в лавке «Вефа».

— Делаю уже пять лет, и к тому же заготовку для нее производят в Эскишехире, — сказал Мевлют. — Но я раньше покупал сырье, самое лучшее, которое было в лавке «Вефа», затем его обрабатывал, добавлял собственные приправы.

— То есть ты дома просто насыпаешь в нее сахара?

— Буза может быть и сладкой, и кислой.

— Да ладно, ну что ты такое говоришь! Буза бывает только кислой, а кислоту ей придает закваска.

— А в бузе есть спирт? — спросила одна из женщин.

— Девочка, ну ты совсем ничего не знаешь! — воскликнул один из мужчин. — Буза — это напиток Османов, у которых спирт и вино были под запретом. Мурад Четвертый по ночам переодевался и ходил по городу, приказывая закрыть не только пивные, не только кофейни, но и лавки, где торговали бузой.

— А почему он приказывал закрыть кофейни?

Начался пьяный спор, который Мевлют привык видеть у припозднившихся гуляк и в пивных. На мгновение о нем забыли.

— Вот, торговец, скажи — есть в бузе алкоголь?

— В бузе алкоголя нет, — соврал Мевлют. Его отец всегда отвечал именно так.

— Как это нет, торговец? В бузе есть алкоголь, но его очень мало. В османские времена некоторые богомольцы, которым хотелось расслабиться, именно поэтому и твердили, что в бузе алкоголя нет, а сами со спокойным сердцем выпивали по де-

сять стаканов. Но во времена республики, когда Ататюрк¹ решил пить раки и вино, торговля бузой, в которой не осталось смысла, сразу прекратилась. Это случилось еще семьдесят лет назад.

— Может, вернутся исламские запреты и вернется буза, — сказал Мевлюту пьяный человек с тонким носом, бросая на него провокационные взгляды.

— В бузе алкоголя нет, — повторил Мевлют как ни в чем не бывало. — Если бы он там был, я бы ее не продавал.

— Смотри, видишь, вот человек верующий, не то что ты, — сказал один из мужчин тонконосому.

— Ты говори за себя. Я все про свою веру знаю и раки пью, когда хочу, — ответил тот. — Торговец, а ты что, боишься, раз говоришь, что в бузе алкоголя нет?

— Я не боюсь никого, кроме Аллаха, — ответил Мевлют.

— Вай, ты слышал его ответ?

— Ты что, не боишься по ночам на улицах собак, грабителей?

— Бедный разносчик бузы никому не нужен, — с улыбкой отвечал Мевлют. — Он не нужен ни грабителям, ни разбойникам, ни ворами. Я уже двадцать пять лет занимаюсь этим делом. Меня еще ни разу не ограбили. Разносчика бузы уважают все.

— За что?

— За то, что буза — это то, что осталось нам от прошлого, от наших предков. В наше время на улицах Стамбула не считается и сорока разносчиков бузы. Очень мало кто, как вы, покупает ее. Но многие, когда слышат голос торговца, вспоминают прошлое и радуются. Вот что позволяет торговцу бузой жить, и вот что делает его счастливым.

— А ты что, святоша?

— Да, я боюсь Аллаха, — ответил Мевлют, прекрасно зная, что эти слова их напугают.

— А ты любишь Ататюрка?

---

¹ *Мустафа Кемаль Ататюрк* (1881–1938) — лидер освободительного движения, турецкий реформатор, основатель Турецкой Республики, ставший национальным лидером турок и сумевший сплотить вокруг себя нацию.